

Мама говорит, что мы ПСИХИ

Практика
К. Либман
Либман
Либман
Либман

Ляля Либерман

18+

Ляля Либерман

Мама говорит, что мы психи

«Автор»

2026

Либерман Л.

Мама говорит, что мы психи / Л. Либерман — «Автор», 2026

Влюбленные, молодые, совершенно безбашенные! Это было их лето. Такое же, как у вас. Было. Байкал шумел за стенкой палатки. Ветер гнал волны. Звёзды горели, огромные с кулак. Лето шло своим чередом. А они уже знали одно: впереди их ждут настоящие приключения. Полные юмора, дерзких выходок, случайных прикосновений, нелепых ссор и настоящей романтики. Не идеальной. Но не требующей масок и принимающей падение. Той, что говорит: «Я выбираю тебя. Даже когда страшно и глупо. И психовато» Милая, помнишь?

© Либерман Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. СТОЛКНОВЕНИЕ	5
Глава 2. СОВМЕСТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ГОРОДЕ	9
Глава 3. МАЛЕНЬКАЯ ПОБЕДА НА ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ	15
Глава 4. ВЕЛОПРОБЕГ И ЛЕТНИЙ ПАРК	22

Ляля Либерман

Мама говорит, что мы психи

Глава 1. СТОЛКНОВЕНИЕ

Ангарск. Набережная. Июль.

Катя опаздывала. Как обычно.

Она вылетела из автобуса на остановке «Дворец культуры», лихо перепрыгнула через лужу, которая там всегда была. Только сейчас ее не было. Чуть не врезалась в старушку с авоськой. Та охнула, шарахнулась в сторону. Катя побежала дальше, вытаращивая глаза и пытаясь никого больше не задеть.

-- Чекнутая! – рявкнула ей вслед милая старушка.

Катя крикнула «извините!» на бегу и рванула к набережной.

Лето в Ангарске — штука обманчивая. Надо успеть до дождя, грозы и торнадо со снегом.

С одной стороны — солнце, запах шашлыков с острова, музыка уличных барабанщиков у поющих фонтанов. С другой — бетонные плиты, которые плавилась в июле, запах бензина от вечно стоящих машин. И крики чаек, похожие на детский плач.

Катя любила этот город за бесшабашность. Такой уж он есть.

Она шла вдоль ограждения, одной рукой придерживая белую сумку-шопер с портретом Цоя, другой листая ленту новостей. На экране — сообщения от Ани: «Ты где? Я у «Черешни», уже мороженое доедаю. Твоё растает. Я его съем. Не шучу. Сегодня в кафе «Угадай мелодию. Рванем?»».

Катя набрала: «Бегу. Торможу у скульптур». Врала конечно. Она была у памятника Первостроителям, а это на полкилометра дальше от цели. Телефон завибрировал снова. Аня: «Ты опять в телефоне и не смотришь по сторонам?».

Катя усмехнулась. Конечно, не смотрит. Зачем? Она знала эту набережную как свои пять порванных джинсов. Каждый шов, трещину в асфальте, скамейку с облезлой краской.

Поворачивала голову к реке. Вода блестела. Ангара в этом месте широкая, ленивая. С противоположного берега тянуло гарью — там что-то горело на промке. Катя поморщилась, но не остановилась.

Шаг, второй, третий. Шопер скользнул по плечу. Катя не успела среагировать. Белая ткань с лицом Виктора Цоя сорвалась, описала дугу и с глухим, сочным стуком встретилась с чьей-то ногой.

— Ай! Да блин!

Катя обернулась. Парень согнулся пополам, держась за голень. Он был выше неё. Волосы — тёмные, растрёпанные, как будто он только что встал с дивана. Футболка серая, мятая, с пятном от чего-то непонятного. Джинсы нормальные, но кеды — грязные, разношенные «Converse» с отклеенной подошвой.

Обычный летний псих.

— Ты... — он выпрямился и уставился на неё. В глазах — не боль даже. Веселье. Чистое, бешеное, неадекватное веселье. Черти скачут. — Ты метила мне в голову? Признавайся.

— В голову бы не промахнулась, — авторитетно заявила Катя. Прозвучало грубее, чем она хотела. Но отступать не стала. Парень хмыкнул. Наклонился, чтобы поднять сумку. И в этот момент его правая нога зацепилась за собственную левую. Непонятно, каким образом.

Он рухнул. Смачно. Плашмя на брусчатку. Кеды отлетели в сторону. Один — под скамейку. Второй — в кусты. Как птицы. Второй, каким-то образом умудрился клюнуть ее под коленом.

Катя замерла. Парень лежал на спине, глядя в небо. Секунду молчал. Потом рассмеялся. Так, как смеются люди, которые привыкли падать. Беззлобно. Даже радостно.

— Отлично, — сказал он, не вставая. — Теперь у нас взаимные травмы.

— У тебя травма — гордость, — ответила Катя. — У меня...

Она посмотрела на свою голень. Под коленом расплывалось красное пятно.

— У тебя синяк, — закончил он за неё. Приподнялся на локтях. Улыбнулся. — Красивый будет. Как Байкал на закате.

— Ты вообще в своём уме?

— Нет, — признался он без тени смущения. — А ты?

Катя открыла рот. Закрыла.

Мимо прошла женщина с коляской. Косо посмотрела на парня, валяющегося на земле, и ускорила.

— Вставай, — зашипела Катя. — Люди смотрят.

— Пусть смотрят. — Он не двигался. — Я жду страховку. Ты меня сбила сумкой. Это статья.

— Это не статья. Не придуривайся!

— А должно быть. — Он наконец сел. Огляделся. — Кеды... где кеды?

— В кустах.

— Отлично. Просто отлично. — Он встал. Отряхнул джинсы. На коленях проступила пыль и зелёное пятно — то ли от травы, то ли от краски со скамейки. — Я их только вчера купил.

— На барахолке?

— А ты наблюдательная. — Он подошёл к кустам, выудил один кед, потом второй. Натянул их на босу ногу. Шнурки завязывать не стал. — Ладно. Твоя сумка.

Он протянул ей белую тряпку с Цоем.

Катя взяла. Их пальцы соприкоснулись на секунду. Ладонь у него была горячая и сухая. Катя отдёрнула руку, как от огня. И сама не поняла — почему.

— Спасибо, — выдавила она.

— За что? За падение?

— За сумку.

— А, это. — Он махнул рукой. — Без проблем. Я люблю падать. Гравитация — моя подруга.

— Неудачная дружба.

— Зато верная. — Он улыбнулся. Улыбка, от которой хочется удрать или рассмеяться.

Катя не выбрала. Просто стояла и смотрела.

— Слушай, — добавил он. — А ты всегда сумками кидаешься, или у меня счастливый билет?

— Ты просто стоял не там. И не так. И тебя там раньше не было.

— Я шёл по набережной. В своём направлении. Ты напала сзади.

— Это была случайность.

— Конечно. — Он сощурился. — Я Дима, кстати.

— Я не спрашивала.

— А я сказал. — Он пожал плечами. — Это называется вежливость.

— Это называется наглость.

— Тоже вариант.

Он не обиделся. Вообще. Катя вдруг поняла, что её бесит его спокойствие. И ещё больше бесит то, что она не может отвести взгляд.

— А ты?

— Что?

— Имя. Или мне называть тебя, Сумка-убийца? Шопер выходит на тропу войны?

— Катя.

— Катя, — повторил он, пробуя на вкус. — Подходит. Короткое. Как и твоё терпение, судя по всему.

— С чего ты взял?

— Ты уже три раза сжала кулак. — Он кивнул на её руку. — Прямо сейчас, например.

Катя опустила взгляд. Правый кулак был белым от напряжения. Она разжала пальцы.

— У тебя проблемы с личными границами, — подитожила она.

— У тебя — с контролем агрессии. — Он улыбнулся шире. — Мы оба психи. Так и познакомились.

Катя не выдержала. Рассмеялась.

-- Так моя мама говорит. Что я с друзьями – просто психи.

Коротко. Всхлипком.

Дима подхватил её смех. Засмеялся громче. Прохожие начали оборачиваться. На них смотрели как на ненормальных. Может, так и было.

— Ладно, — проворчала Катя, вытирая глаза. — Ты прав. Я тоже не подарок.

— Я так не говорил. Ты подарок. Опасный. С доставкой прямо к ногам заказчика.

— Заткнись.

— Не умею. — Он развёл руками. — Врождённый дефект.

Катя покачала головой. Посмотрела на телефон. Три пропущенных от Ани. Семь сообщений. Последнее: «Я тебя похоронила. Мороженое оплакиваю. И ем».

— Мне пора, — вздохнула Катя.

— Беги. — Дима кивнул в сторону города. — Только смотри, не убей никого по дороге.

— Обещаю постараться.

— Я не просил стараться. Я просил не убивать.

— Мы не настолько близки, чтобы я выполняла твои просьбы.

— А насколько мы близки? — Он прищурился.

В глазах прыгали чертики. Желтые или зеленые. Не разберешь.

Катя не ответила. Развернулась и пошла. Слишком быстро. Чеканя шаг, чтобы не оглянуться.

Она прошла мимо фонтана. Скульптуры «Влюблённые». Девушки с воздушными шарами. Телефон снова завибрировал, но она не смотрела. В голове крутилось одно: «Он псих. Настоящий псих. И я улыбалась. Почему я улыбалась?»

Аня ждала у кафе «Черешня». Столик на улице, два растаявших мороженых в вафельных стаканчиках, лицо каменное.

— Ты — труп, — сказала Аня. И сдвинула брови.

— Привет, — ответила Катя. Села. Взяла ложку.

— Где ты была?

— На набережной.

— Я вижу. — Аня наклонилась. — Почему у тебя на джинсах зелёное?

Катя посмотрела вниз. На коленке — зелёное пятно. Откуда?

Потом вспомнила. Когда Дима падал, она присела. Опустилась на корточки, чтобы посмотреть на его кеды в кустах. И не заметила своего зеленого колена.

— Это долгая история, — вздохнула Катя.

— У нас есть время. — Аня сложила руки на груди. — И две порции мороженого.
Почивших во цвете лет.

Катя отправила в рот ложку сладкой жижи. Посмотрела на Ангару. Солнце уже клонилось к закату. Вода стала тёмной, почти чёрной.

— Я встретила парня, — сказала она.

— Да ну? — Аня приподняла бровь.

— Он упал из-за меня.

— Убился?

— Нет. Встал. Смеялся.

— Странный.

— Очень. — Катя отложила ложку. — Он сказал, что мы оба психи.

— И ты?

— Что?

— Ты согласилась?

Катя промолчала.

Аня посмотрела на неё долгим взглядом. Потом улыбнулась.

— Ну, — сказала она. — Лето только начинается.

Катя кивнула.

За соседним столиком кто-то включил музыку на телефоне. Цой. «Перемен».

Катя поймала себя на том, что смотрит в сторону набережной. Туда, где остался этот парень в грязных кедах и с улыбкой, от которой хотелось смеяться и ругаться одновременно.

— Как его зовут? — спросила Аня.

— Дима, — тихо ответила Катя.

— Запомню, — кивнула Аня. — Для протокола.

Катя снова посмотрела на реку.

Лето в Ангарске. Жарко. Шумно. Пахнет бензином и шашлыками.

И где-то там ходит человек, который умеет падать с улыбкой.

Катя подумала: «Это будет странное лето».

А вдруг она права?

Глава 2. СОВМЕСТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ГОРОДЕ

Ключи потерял Сергей.

Дима сообщил об этом только тогда, когда они уже миновали половину набережной. До этого молчал. Шёл рядом, пинал камешки, шурился на солнце, наслаждался собственным молчанием. Катя терпела. Потом терпение лопнуло.

— Это Серёга, — пояснил он. Голос ровный, без намёка на раскаяние. — Вчера напился в «Сибиряке». Ключи от квартиры выпали где-то на улице. Сказал, что сам найдёт. Не нашёл.

Катя остановилась так резко, что кеды проскребли по асфальту.

— И ты повёл меня искать чужие ключи?

— А у тебя были другие планы?

Она открыла рот. Закрыла. Планов действительно не было. Совсем. Аня с утра уехала к тётке в Иркутск: «До вечера, если пробки пропустят». Бабушка ушла в поликлинику сдавать анализы, оставив на холодильнике записку: «Кать, не шуми, у меня давление». Катя сидела на лавочке у подъезда, рисовала в помятом блокноте углем колонку с лицом Цоя. А потом просто уткнулась в телефон. Экран погас. Отражение показало растрёпанные кудри, потную переносицу и скучающие глаза.

И тут пришёл Дима.

Откуда взялся — бог знает. Сказал: «Пошли. Тут рядом. Недалеко». И Катя пошла. Вот так просто. Без вопросов и тормозов. Теперь она жалела. Хотя бы немного.

— Ты мог сказать, что ключи не твои, — шипела она, стараясь звучать строго. И страшно. Получилось вяло.

— А ты спросила?

— Я не спросила, чьи ключи! Я спросила: «Куда идём?» Ты сказал: «Погоуляем».

— Мы гуляем. — Дима развёл руками. Жест широкий, театральный. — И заодно ищем. Две цели одним махом. Эффективность.

— Это называется не «заодно». Это называется обман.

— Это называется сюрприз. — Он улыбнулся. Уголок рта приподнялся, в глазах мелькнуло бешеное, неадекватное веселье. — Ты любишь сюрпризы?

— Ненавижу.

— Врёшь.

Катя хотела возразить. Но слова застряли в горле. Потому что он был прав. Она обожала сюрпризы. Спонтанность, внезапные повороты. Моменты, когда город сам решал за тебя. Просто не признавалась. Никому. Даже себе.

Они свернули на улицу Ленина. Главная артерия Ангарска днём всегда гудела, но к вечеру шум менял окраску. Вместо клаксонов и рычания грузовиков появлялся ровный гул шагов прогуливающих, звон электросамокатов, музыка из открытых окон. Запах шашлыков с ближайшего двора и раскалённого асфальта. До кучи. Катя знала каждый киоск, трещину в плитке. Бабушку, продающую семечки у остановки. Но сегодня город казался другим. Точно его перевернули, встряхнули и собрали заново. Потому что рядом шёл Дима. И был совершенным психом.

Шагал вразвалочку, руки в карманах джинсов, плечи расслаблены. Иногда останавливался, чтобы разглядеть витрину. В одном из магазинов одежды заметил своё отражение в затемнённом стекле, приосанился, поправил волосы и подмигнул. Идиот.

— Ты сейчас кому подмигнул? — хмуро спросила Катя.

— Себе. — Он не смутился. Даже не моргнул. — Я нравлюсь себе сегодня.

— А в другие дни?

— В другие дни я нравлюсь себе меньше. Но сегодня удачный день. — Он повернул голову. Взгляд скользнул по её лицу, задержался на глазах. — Я встретил девушку, которая кидается сумками.

— Это было вчера.

— Для меня как сегодня. — Он пожал плечами. — Я медленно перевариваю события.

— Ты медленно всё перевариваешь?

— Только тебя.

Катя закашлялась. Не потому, что подавилась. Воздух вдруг стал густым, а щёки — горячими. Июль. Солнце ещё не село, но уже клонилось к крышам, окрашивая небо в мутно-оранжевые тона. Она поправила лямку шопера. Ткань с Цоем всё ещё пахла пылью и летней грозой.

— Пошли к парку, — кивнул Дима, словно не заметил её замешательства. — Там Сергей точно был.

Парк культуры и отдыха в Ангарске днём казался сонным. Пенсионеры на скамейках перешёптывались, дети ковыряли песок пластиковыми совочками, утки лениво гребли к берегу пруда. Но к вечеру он оживал. У главной аллеи уже стояли колонки, откуда лился негромкий инди-поп. Скейтеры катались по брусчатке, оставляя гулкий стук колёс. Парочки тонули в кустах сирени. Запах хлорки из фонтана смешивался с ванилью из киоска и выхлопами проезжающего мимо электробуса.

— Сергей точно вчера был здесь, — пояснил Дима, кивая на воду. — Пил пиво у бортика.

— У фонтана? — Катя прищурилась. — Там же табличка. «Не распивать». И камера висит.

— Сергей не умеет читать. — Дима улыбнулся. — Это его суперсила. Камера не снимает лиц, только спины. Ему повезло.

Они подошли ближе. Вода блестела, ломаясь о бетонные ступени. Дети бегали по краям, матери кричали: «Упадёшь!». Катя обошла фонтан по кругу. Заглядывая под лавки, в щели между плитами, в заросли низкого кустарника. Ничего. Только окурки, фантики и пара потерянных серёжек.

— Под скамейки смотрел? — спросила она, вытирая лоб тыльной стороной ладони.

— Нет, — признался Дима. — Я думал, они сами найдутся.

— Ключи?

— Ну да. Вещи иногда находят своих хозяев. Если хозяин правильный.

— Ты идиот?

— Частично.

Он опустился на корточки, заглянул под деревянную скамью. Послышался шорох. Он вытащил что-то из-под доски. Не ключи. Фантик. «Баунти». Засохший, пожелтевший, смятый в комок.

— Райское наслаждение, — прочитал Дима вслух. Вздыхнул. — Не для нас.

— Мы и не в раю.

— Ангарск — рай для психов. — Он бросил фантик в урну. Промохнулся. Не стал поднимать. — Ладно. Дальше.

Они пошли по аллее. Тополы росли криво. Ветви тянулись к небу, будто пытаюсь удержать уходящее солнце. Листья шелестели. Катя подняла голову, вспомнила детство.

— Я здесь лазила, — пробормотала она.

— По деревьям?

— По этим. — Она кивнула на старый, потрескавшийся тополь. — Залезала на середину, сидела, рисовала.

— Что рисовала?

— Всё. Город. Людей. Собаку соседскую. — Она улыбнулась воспоминанию. — Один раз нарисовала мужика, который спал на лавочке. Он проснулся, увидел, что я на него смотрю. Испугался.

— Испугался? Тебя?

— Ну да. Я была мелкая, вечно в грязи, с кудрями до плеч. Он подумал, что я леший. Или ведьма.

Дима рассмеялся. Смех у него был громкий, раскатистый, без стеснения. Он не пытался его приглушить. Прохожие оглядывались. Девушка с коляской ускорила шаг. Мужчина в мятой рубашке покачал головой. Катя почувствовала желание сжаться, спрятаться. Сделать вид, что не знает этого парня. Но вместо этого она остановилась и смотрела, как он смеётся. Без защиты и масок.

— Пошли к сцене, — сказал он, вытирая глаза. — Там Сергей точно был. Он любит сидеть лицом к пустоте и представлять, что он звезда.

— Кем он работает?

— Неважно. — Дима махнул рукой. — Важно, что он мечтает о славе. И ключи теряет. Два его любимых хобби.

— А ты о чём мечтаешь?

Дима замолчал. Шаг замедлился. Он смотрел под ноги, пинал камешек. Тот катился по асфальту, ударялся о бордюр, останавливался.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Чтобы было весело.

— И всё?

— А чего ещё?

Катя не ответила. Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и настоящий. Она знала, что «весело» — это часто маска. За ней прячется страх остаться одному, стать скучным. Что лето кончится, а ты так и не научился жить без адреналина. Но она не стала копать. Не сейчас точно.

Они дошли до летней сцены. Деревянная конструкция, краска давно облупилась, доски скрипели под ногами. Летом здесь выступали местные группы: кто-то пел Цоя, кто-то пытался звучать как «Мумий Тролль» в 2004-м. А кто-то просто шумел, от чего хотелось заткнуть уши. Сейчас сцена пустовала. На полу валялись окурки, пластиковые стаканчики и забытый медиатор.

— Вот здесь, — сказал Дима, указывая на край подиума. — Он сидел примерно тут. Ноги свесил. Смотрел на фонтан. Пил «Жигулёвское».

Они осмотрели лавки. Заглянули под ступени. Прочесали траву у края. Катя уже хотела сказать, что поиски бесполезны. Ключи давно унесли в ломбард или выкинули в реку, как вдруг заметила блеск под доской сцены. Металлический. Тусклый, пыльный, но видимый.

— Нашла, — вскрикнула она.

Наклонилась. Пальцы нащупали холодное железо. Вытащила связку. Три ключа, тяжёлые, старые, и брелок — пластиковый ёжик с отколотой головой и одним оставшимся глазом.

— Ёжик без головы. Мило.

— Сергей, — вздохнул Дима. — Он всегда теряет ключи. И всегда находит. Но в этот раз нашла ты.

— Значит, я теперь герой?

— Ты была героем ещё до этого.

Дима протянул руку. Катя вложила в неё связку. Пальцы соприкоснулись. На этот раз она не отдернула руку. Кожа у него была шершавой, горячей, с лёгким запахом мыла и летней пыли. Он сжал ключи. Потом спрятал в карман джинсов.

— Ты просто не знала. А я — знал!

Наступила тишина. Наполненная. Город вокруг гудел. Но здесь, у сцены, будто образовался вакуум. Катя слышала своё дыхание. И его. Рядом. Слишком близко.

— Мороженое? — вдруг предложил он. И отступил.

— Где?

— Тут рядом. «Снежная сказка». Ты любишь?

— Люблю.

— А какое?

— Шоколадное.

— Классика. — Он кивнул. — А я люблю пломбир. Потому что я скучный.

— Ты не скучный.

— Правда?

— Ты несносный. Это другое.

Дима рассмеялся. Хлопнул её по плечу. Сильнее, чем нужно. Катя качнулась, едва удержала равновесие.

— Извини, — сказал он, но в голосе не было извинения. Только смех. — Не рассчитал силу.

— У тебя всё всегда не рассчитано.

— Зато весело.

Киоск «Снежная сказка» стоял у выхода из парка, рядом с парковкой электросамокатов. На крыше мигала неоновая вывеска, на стекле — QR-код для оплаты. Продавщица, тётя Зина, знала Катю с детства. Она помнила её ещё в косынках, в школьной форме, с разбитыми коленками. Сейчас она шурилась на экран кассового аппарата, вздыхала, но улыбалась.

— О, Катька, — приветствовала она, вытирая руки тряпкой. — Привела кого-то?

— Это Дима, — коротко ответила Катя.

— Дима? — Тётя Зина прищурилась. Взгляд скользнул по его грязным кедам, мятой футболке, не бритому лицу. — А где тот, с кем ты прошлым летом...

- Нигде, — перебила Катя. Слишком резко. — Два шоколадных и пломбир.
— Шоколадных два? — переспросил Дима, наклоняясь к окошку. — Один тебе. А второй?
— Второй мне тоже. Я два съем.
— Не съешь.
— Спорим?
— Спорить с тобой? — Дима покачал головой. — Нет. Ты психичка. Ты съешь.

Тётя Зина молча достала стаканчики. Бросила их в пакет. Пробыла. Катя приложила телефон к терминалу, услышала короткий писк. Деньги списались. Лето 2026-го шло своим чередом.

Катя взяла пакет. Села на лавочку у края парка. Открыла первый стаканчик. Ложка скользнула по шоколадной глазури. Холод обжёг язык. Она закрыла глаза. Съела. Потом второй. Дима сидел рядом. Не близко. Но и не далеко. Плечи почти касались. Он наблюдал. Без комментариев и усмешек. Смотрел, да и все.

- Ты монстр, — утвердительно произнес он, когда она отставила второй пустой стакан.
— Я голодная. И мороженное люблю.
— Ты опасная.

Катя улыбнулась. Вытерла губы тыльной стороной ладони. У неё на переносице осталось пятно шоколада. Дима показал на своё лицо.

- У тебя тут, — подсказал он.

Катя провела пальцем. Не попала. Размазала ещё сильнее.

Дима вздохнул. Потянулся рукой. Без предупреждения. Большим пальцем провёл по её носу. Аккуратно. Кожа на его подушечке была шершавой, тёплой. Он убрал руку слишком быстро. Как будто обжёгся.

- Всё, — сказал он. — Чисто. Чесно.
— Ну, спасибо, — выдохнула Катя. Голос дрогнул. Она не стала это скрывать. С чего бы?

Они сидели в парке. Смотрели на людей. Солнце садилось за крыши домов. Включились фонари. Свет был жёлтым, тусклым. С мотыльками, которые бились в стёкла. Воздух остывал. Пахло хвоей, пылью и далёким дождём. Стало слышно как шумят высокие сосны.

- Аня, наверное, уже вернулась, — сказала Катя.

— Хочешь уйти?

— Не знаю.

— А я знаю. — Дима встал. Протянул руку. Ладонь вверх. Открытая. — Пошли. Провожу.

Катя посмотрела на его протянутую руку. Потом на лицо. Он не торопил и не настаивал. Ждал. Она вложила свою ладонь в его. Сама. Не подумав. Пальцы переплелись. Тепло передалось мгновенно. Как ток и обещание. Глупо. Но классно!

Они вышли из парка. Прошли мимо фонтана, где воду уже выключили. Мимо автобусной остановки, на экране мигало расписание маршрутов. Мимо магазина «Всё для дома», на витрине стояла розовая ванна с золотыми ножками. Дима молчал. И Катя молчала. Но руку он не отпускал. Не хотел. И она не могла. Или тоже не хотела. Как знать.

Дошли до её дома. Девятиэтажка из серого кирпича, подъезд пах кошками, старым деревом и капустой. На стене кто-то нарисовал мелом солнце и написал: «Лето не кончается!» Катя усмехнулась.

— Пришли, — сказала она.

— Ага, — сказал Дима.

Он не отпустил её руку. А она не отпустила его. Так они стояли минуту. Может, две. Ветер шевелил кудри у неё на лбу. Он смотрел на неё. Она на него. В глазах не было вопросов. Только странное понимание. Тихое. Точное.

— Завтра что делаешь? — спросил он наконец.

— Ничего, — честно ответила Катя.

— И я ничего. — Он улыбнулся. Улыбка стала другой. Мягче. Тише. — Может, сделаем что-то вместе?

— Например?

— Не знаю. Найдём приключения. Мы не видели, чтобы вместе, железную птицу, машущую крыльями. Не слышали, как бьют куранты. Или что-то потеряем. Снова будем искать.

— Ключи больше терять не буду, — сразу отказалась Катя.

— Потеряем что-нибудь другое. — Он отпустил её руку. Пальцы скользнули. Остались пустыми. — Спокойной ночи, психичка.

— Спокойной ночи, псих.

Катя толкнула дверь подъезда. Вошла. Не обернулась. Но на втором пролёте, где краска на стене облупилась буквами «З», она остановилась. Прижалась спиной к холодной стене. Сердце колотилось. Ритм сбился. Ладонь всё ещё чувствовала его тепло. На переносице горело место, где был его палец.

Она достала телефон. Экран погас. Отражение показало растрёпанные кудри, горящие щёки и улыбку, которую она не планировала. В голове крутилось: «Мама бы сказала, что мы психи. И, кажется, она права».

Лето в Ангарске только начиналось. А Катя улыбалась сама себе. Может она и психичка, но это будет странное лето. Может быть, самое удивительное из всех.

Глава 3. МАЛЕНЬКАЯ ПОБЕДА НА ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ

Кот был рыжим. И глупым. Катя поняла это за три секунды.

Он сидел на металлическом козырьке фонарного столба у ТЦ «Метелица». Орал так, будто его не просто резали, а делали это медленно и с наслаждением. Прохожие площади 40-летия Победы останавливались. Курьеры на электросамокатах резко тормозили, роняя коробки с едой. Кто-то смеялся, кто-то уже тянулся к телефону, чтобы вызвать МЧС или снять видео для местных пабликов. Воздух дрожал от июльской духоты. Асфальт плавился, лип к подошвам. Пахло раскалённой пылью, бензином и сладковатым дымком от шашлычной у перекрёстка.

Катя стояла на краю тротуара, прищурившись. Рядом, как из-под земли, возник Дима. Он пришёл после её сообщения: «ТЦ Метелица. Срочно. Жизнь висит на волосе». Не уточнила чьей. Зачем.

— Ты когда-нибудь спасала кота? — спросил он, глядя наверх. В уголках губ уже плясала знакомая искра.

— Нет, — ответила Катя. Сбросила сумку-шоппер ему на руки. — Держи.

— А я?

Возмутилась Аня, которая стояла на полшага позади. Вернулась из Иркутска ещё утром, успела выспаться, накрасить губы и рассердиться. Теперь смотрела на эту сцену с выражением человека, который уже жалеет о своём участии.

— Ты — группа поддержки, — отрезала Катя, не оборачиваясь.

— Я — нянька с сумкой?

— Самая лучшая.

Катя уже шла к столбу. Кеды шлёпали по нагретой брусчатке. В кармане завибрировал телефон: предупреждал о грозе. «Осадки 80%. Температура снижается. Постарайтесь найти укрытие». Она свайпнула уведомление пальцем. Лето в Ангарске не спрашивает разрешения. Оно просто приходит. И точка.

Дима догнал её в два шага.

— Ты серьёзно? Залезешь?

— А ты предлагаешь стоять и слушать, как он орёт?

— Я предлагаю подождать.

— Кого?

— Его. Слезет сам. Коты — существа самостоятельные.

Катя подняла голову. Кот посмотрел вниз. В его зелёных глазах не было страха. Была чистая, животная, бессмысленная паника. Он вжался в металл, когти скребли по краске, уши прижались к черепу. Ветер уже поднимался. Пока тёплый, порывистый. Нёс с собой первые капли. Крупные, тяжёлые, пахнувшие озоном и пылью.

— Не слезет, — вздохнула Катя. — Он идиот.

— Как и мы, если полезем, — поддержал Дима.

— Мы психи. Нам можно.

Дима засмеялся. Спорить не стал. Он вообще редко спорил по-настоящему. Чаще подыгрывал, подкидывал дров в огонь. Смотрел, как разгорается.

Столб был старым, советским еще, покрашенным когда-то в синий цвет. Теперь облупившимся до ржавых пятен. Внизу — лужа, в которой уже отражалось небо. Сверху — кот. И дождь, который начался мелкой водяной пылью, но уже набирал силу.

— Лестницы нет, — констатировал Дима, оглядываясь.

— Есть скамейка, — кивнула Катя на зелёную металлическую конструкцию у клумбы с бархатцами.

— Скамейка низкая.

— А ты высокий.

— Ты хочешь, чтобы я залез?

— Я хочу, чтобы мы его сняли.

Дима посмотрел на неё. Потом на столб. Следом на кота, который уже начал метаться. Взмахнул рукой.

— Ладно. Давай.

Они подтащили скамейку. Металлическая, крашеная, с прогнувшимися планками, скрипела под весом. Дима встал первым. Расставил ноги, уперся спиной в столб. Катя шагнула на него. Сначала на бедро, потом выше. Руки искали опору. Пальцы нашли ткань его футболки. Мокрую от первых капель. Тёплую, пахнущую мылом и чем-то древесным.

— Ты удержишь меня? — переспросила она, пытаясь звучать уверенно.

— Удержу.

— За что?

— За ноги. — Его ладони сомкнулись чуть выше её колен. Кожа к коже. Катя вздрогнула. Не от холода. От прикосновения. Оно было слишком точным и уверенным. Как будто, он делал это не первый раз. И плевал на её контроль.

— Не дёргайся, — добавил он тихо.

— Ты не предупредил.

— А надо было?

Она не ответила. Пришлось бы признать, что ей не противно. Совсем наоборот. Внутри что-то дрогнуло, сдвинулось, пошло не по плану. Она потянулась к коту.

Тот зашипел. Звук был низким, вибрирующим, полным угрозы. И глаза запылали сумасшедшинкой.

— Тише, дурак, — прошептала Катя. И потянулась еще. — Я тебя спасаю.

Кот не оценил. Он вцепился в фонарь когтями, спина выгнулась, шерсть встала дыбом. Заорал громче. Дождь усилился. Капли барабанили по козырьку, стекали по лицу Кати, забивались под футболку. Одежда прилипла к спине.

— Не получается? — крикнул снизу Дима. Голос пробивался сквозь шум.

— Он не даёт. Шипит. И глазами сверкает.

— Погладь.

— Чем?

— Рукой.

— Он укусит.

— А ты быстро.

Катя глубоко вдохнула. Воздух благоухал грозой, пылью и чем-то живым. Протянула руку. Кот класнул зубами в сантиметре от пальцев. И плюнул. Слюна брызнула на запястье. Она не отёрнула. Сделала ещё шаг. Скамья под ногами Димы скрипнула. Он подался вперёд, упираясь плечами в металл, чтобы удержать равновесие. Их лица оказались близко. Слишком близко. Она видела капли на его ресницах. Как дрожит его нижняя губа, когда сжимает зубы от усилия. Дыхание смешалось. Сбивчивое, на грани.

— Дима, — объясняла она спокойно, не отводя взгляда. — Если я сейчас упаду и сломаю шею, ты будешь виноват.

— Я сяду в тюрьму за убийство?

— За доведение, до самоубийства.

— Это не статья.

— Будет. Я напишу в завещании.

Он хрипло рассмеялся. Смех отдался вибрацией в его руки. Которые всё ещё держали её за ноги. Так-то. Катя сделала ещё одну попытку. На этот раз не тянулась. Просто открыла ладонь. Медленно. Пальцы расслабила. Жест без требования и угрозы. Кот перестал шипеть. Посмотрел. Его зрачки расширились. И вдруг он сам шагнул. Взял и шагнул. Прямо к ней на руки. Когти впились в ткань, но не в кожу. Тело обмякло. Стало тяжёлым.

— Есть, — выдохнула Катя. Голос сорвался. Она прижала кота к груди. Тот теперь вцепился в футболку когтями. Прямо в портрет Цоя. Теперь у Виктора на лице будут царапины. Как шрамы.

— Слезаем, — скомандовала она.

Дима помог ей спуститься. Движение было неловким, быстрым, полным внезапных сдвигов. Она оказалась на земле. Мокрой. Скользкой. С котом на руках. И поняла, что Дима всё ещё держит её за талию. Зачем-то. Хотя она уже стояла твёрдо на земле. Лужи уже хлюпали под кедами. А дождь лил стеной.

— Отпусти, — велела она. Указание, не просьба.

— А если упадёшь?

— Не упаду.

— А кот?

— Кот тоже.

Он не отпустил. Секунду. Две. Три. Пальцы слегка сжались, проверяя реальность. Потом убрал руки. Тепло осталось. На коже, под мокрой тканью, на рёбрах.

Аня стояла в стороне с сумкой и смотрела. Лицо каменное, но в уголках глаз плясала насмешка.

— Вы такие милые, — сладким голоском пропела она. — Просто тихий ужас. Вы психи. Оба. Зачем вы туда поперлись?! А если бы вы свалились?! Фиг с ним, с котом!

— Заткнись, — ответила Катя без злости. Голос хрипел от дождя или чего-то другого. Кот замурчал. Звук был низким, вибрирующим, идущим из глубины кошачьей души.

— Серьёзно? — Катя опустила взгляд. — Ты только что орал как резаный. А теперь мурлычешь?

Кот мурлыкал громче. Тёрся мордой о её мокрое плечо, оставляя рыжие шерстинки на белой футболке.

— У него истерика, — предположил Дима. Вытирал лицо ладонью. Волосы слипались, капли катились по шее. — Или любовь с первого взгляда.

— К кому?

— К тебе.

Катя покраснела. Сказала себе, что это от перепада температур. Адреналина. И всего сразу. Но знала, что врёт.

Дождь уже шёл нормально. Не водяная пыль, а настоящий летний ливень. Серый, тёплый, с крупными каплями. Оставляющими круги в лужах, смывающими пыль с асфальта, барабанищими по козырькам киосков. Воздух становился чистым, острым, пахнущим хвоей, мокрой землёй и озоном.

— Надо спрятать кота, — решила Катя. И прижала его крепче.

— Спрятать или спасти? — уточнил Дима. Шагнул близко, заслоняя от ветра.

— И то, и другое.

— Он выглядит сытым.

— Он выглядит напуганным.

— Ты выглядишь мокрой.

— Ты тоже.

Они стояли друг напротив друга. Мокрые. Смешные. С котом, который уже совсем освоился и спал, свернувшись калачиком на её руках. Аня вздохнула. Звук был долгим, усталым. В нём не было раздражения. Только принятие.

— Вы как дети, — пожаловалась она. — Пошли в кафе. Там высохнем. Коту купим сосиску.

— В кафе не пустят с котом, — возразил Дима.

— Пустят, если он будет в сумке.

— Он вылезет.

— А ты не дашь. Следить будешь.

Спорить было бесполезно. Аня уже шла в сторону «Черешни», перепрыгивая через лужи. И зонтом не пользовалась. Катя и Дима переглянулись. В его глазах плясали те самые черти. Жёлтые или зелёные. Не разберешь.

— Идём? — спросил он.

— Идём.

Кафе «Черешня» встретило звоном колокольчика над дверью. Теплом, запахом корицы, жареного лука и свежей выпечки. Кондиционер гудел, выгоняя влажность. За соседним столиком расположилась семья с ребёнком лет пяти. Тот смотрел на кота, высовывающего голову из сумки, и тыкал пальцем.

— Кыса, — выдал ребёнок. Звонко, без сомнений.

— Кот, — поправила Катя. Села у окна. Стекло было запотевшим, снаружи мир превратился в размытые акварельные пятна.

— Кыса, — повторил мальчик.

— Ладно. Кыса, — сдалась Катя. Улыбнулась сама себе.

Дима сел, напротив. Так, что их колени почти касались под столом. Аня — рядом, как надзиратель, уже листала меню на планшете. Официантка подошла быстро. Молодая, с усталыми глазами и аккуратным пучком. Из которого выбились мокрые пряди. На фартуке — QR-код для чайевых.

— Что будете? — спросила она.

— Три капучино, — заказала Аня, не отрываясь от экрана. — И сосиску для кота. Варёную. Без специй.

Официантка посмотрела на сумку. Потом на Аню. Следом на Катю. В её взгляде читалось: «Опять психи. Что за день».

— Животное?

— Это кот, — ответил Дима. Сел ровнее, расправил плечи. — Он только что был спасён с фонарного столба. Операция уровня «Миссия невыполнима».

Официантка моргнула. Вздохнула.

— Сосиску принесу. Но чтобы не орал. И не драл скатерть. И вообще, ничего не драть.

— Он не орёт, — заверила Катя. — Он теперь мурлычет. Это его режим сна.

Официантка ушла. За столиком повисла тишина. Только стук приборов, гудение кондиционера, шелест дождя за стеклом.

Аня наклонилась к Кате. Тихо, но отчётливо проговорила.

— Ты сейчас покраснела.

— Нет.

— Да. Когда он держал тебя за талию.

— Я не краснела.

— Ты была пунцовой. Как помидор.

— Это от дождя. Перепад температур.

— От дождя не краснеют. От дождя бледнеют.

Катя хотела ответить, но не успела. Дима перебил. Без намёка на шутку.

— Она краснеет, когда я рядом, — утвердительно сказал он. Посмотрел на Катю. И не отводил взгляд. — Это нормально. Чувствует родственную душу. И тянется.

— Это не нормально! — выпалила Катя. — И не тянись! Я что, того?

Слишком громко и резко. Две женщины за соседним столиком обернулись. Ребёнок снова сказал: «Кыса». Официантка, проходившая мимо, покачала головой.

— Вот именно, — Дима улыбнулся. Доброжелательно, с пониманием. — Мы же психи.

Аня закатила глаза. Принесли кофе. И сосиску на блюде, аккуратно нарезанную. Кот вылез из сумки, схватил кусок зубами и утащил обратно. Урча так, что вибрировала столешница.

— Он с характером, — заметил Дима. Пил кофе медленно, наблюдая за Катей поверх чашки.

— Как ты, — ответила она. Отпила. Горячо. Обожгла язык. Не поморщилась.

— Я не кот.

— А кто?

— Я псих. Мы уже выяснили.

Катя отставила чашку. Ладонь всё ещё помнила его пальцы на талии. Тепло, давление, уверенность. Ей хотелось убрать руку под стол. Спрятать. Но она оставила на столе. Рядом с его. Пальцы почти касались. Расстояние в сантиметр. Провокация. Или приглашение. Ой, да! Или одно из двух!

Дима смотрел на неё через стол. Не отводил взгляд. Катя чувствовала. Хотелось посмотреть в ответ. И не хотелось. Не смогла бы отвернуться. Потому что внутри всё уже решено. Осталось только признать.

— Чего ты уставился? — спросила она. Голос сердитый, но какой-то беззащитный. Вот псих!

— Думаю.

— О чём?

— О том, какая ты странная.

— Сам странный.

— Я знаю. — Он кивнул. — Но я хотя бы признаю. А ты нет.

— Признаю.

— Тогда скажи.

— Что сказать?

— Что ты тоже псих.

Катя молчала. Дождь за окном стихал. Капли скатывались по стеклу, оставляя мокрые дорожки. Кот доел сосиску и заснул в сумке, свернувшись в рыжий клубок. Аня делала вид, что читает меню, но пальцы уже не листали экран. Она ждала. Тоже. Сговорились они, что ли?

— Ладно, — неохотно протянула Катя. Вдохнула. Выдохнула. — Я псих.

— Громче.

— Я псих! — Голос сорвался. Но она не пожалела. И пусть. Две женщины за соседним столиком обернулись. Ребёнок снова сказал: «Кы-са». Уже на много уверенней. Официантка покачала головой. Но Кате было всё равно. Впервые за долгое время ей было всё равно, что подумают другие.

Дима рассмеялся. От души. Катя сначала хотела обидеться. Потом поняла, что не может. Смех у него был заразительный. Как у ребёнка. Глупый. Обезоруживающий. Она тоже засмеялась. Плечи дрогнули. Ладонь сама сдвинулась ближе. Пальцы коснулись его. Намеренно.

Аня отложила меню. Экран погас.

— Ну всё, — решительно сказала она. Встала. — Я ухожу.

— Куда? — спросила Катя. Моргнула. Ещё смеялась.

— Домой. Вы тут без меня справитесь. У вас своя тусовка. Для психов. Я лишняя.

— Аня...

— Не Анькай. — Аня наклонилась, поцеловала Катю в макушку. Волосы были мокрыми, пахли дождём и кофе. — Ключи от квартиры у тебя?

— Да.

— Тогда не потеряйся. И не убей его. Он мне нравится. Такой, вполне приличный псих. Летний.

Она кивнула Диме. Тот кивнул в ответ. Без слов. Понимание прошло между ними мгновенно. Аня вышла. Дверь хлопнула. Колокольчик звякнул.

Стало тихо. Только гудение холодильника, дыхание кота, стук капель по карнизу.

— И что теперь? — спросила Катя. Голос тихий. Не вопрос. Приглашение.

— Не знаю, — ответил Дима. Откинулся на спинку стула. — Я обычно не планирую.

— А я планирую.

— Врёшь.

— Правда.

— Тогда спланируй, что мы делаем дальше.

Катя задумалась. В голову ничего не лезло. Ничего, кроме того, что Дима напротив. Мокрый. В футболке, которая облепила плечи, показывая линию мышц. С каплями воды в волосах. И глазами, которые смотрят и видят её насквозь. Принимают.

— Может, погуляем? — предложила она.

— На улице мокро.

— Ну и что?

— Ты замёрзнешь.

— А ты согреешь.

Сказала и испугалась. Слишком честно и прямо. Без сарказма.

Дима не ответил. Потом медленно протянул руку через стол. Положил ладонь рядом. Ждал.

Катя не пошевелилась. Секунду. Две. Вложила свою ладонь в его. Холодную от дождя. Дрожащую. Он сжал. Не сильно, но уверенно.

— Тёплая? — спросил он.

— Не очень.

— А так?

Он сжал сильнее. Провёл большим пальцем по её костяшкам. Жест был домашним. Но от него внутри всё перевернулось. Кто-то взял, и включил свет в тёмной комнате.

Катя кивнула. Не могла говорить. Горло сжалось. Они сидели в кафе. Держались за руки. Кот спал в сумке. За окном солнце пробивалось сквозь тучи. Лучи падали на мокрый асфальт, превращая лужи в зеркала.

— Знаешь, — сказала Катя тихо. И не узнала свой голос. — Я никогда не верила в эти глупости.

— Во что?

— Ну. — Она кивнула на их руки. — В это. В то, что бывает само. Без плана и страховки.

— А теперь?

— Не знаю.

— Хочешь честно? — спросил Дима. Пальцы не отпускал. — Я тоже не знаю.

Он отпустил её руку. Откинулся на спинку стула. Вздыхнул.

— Но мне интересно, — добавил он. Смотрел прямо в глаза. — Что будет дальше.

Катя посмотрела на него. Поняла, что улыбается. Лицо расслабилось. Плечи опустились. Внутри что-то щёлкнуло. Замок открылся.

— Ладно, — проворчала она. Встала. Закинула сумку с котом на плечо. — Пошли.

— Куда?

— Гулять. Психам дождь не помеха.

Дима встал следом. Кресло скрипнуло. Он поправил футболку, провёл рукой по мокрым волосам, усмехнулся. Они вышли из кафе. Колокольчик звякнул.

Дождь кончился. Асфальт блестел, отражал небо, облака, силуэты прохожих. В воздухе пахло сыростью, цветами с клумбы, мокрым деревом и чем-то новым. Город перезагрузился.

— Смотри, — указал Дима. Поднял голову, махнул рукой.

Радуга. Огромная. Яркая. Дуга, опирающаяся концами в крыши ангарских пятиэтажек со старыми мозаиками. Отражаясь в вывесках магазинов, и даже на шпилях старых зданий. Она висела над площадью, чистая, невозможная, как обещание. Счастья или чего-то еще. Незвестного и прекрасного.

— Это знак, — твердо сказал Дима. Сам такой серьезный.

— Чего?

— Что мы всё правильно делаем. Или что мы оба окончательно слетели с катушек.

Катя засмеялась.

— Ты веришь в знаки?

— Когда они красивые — да. — Он повернулся к ней. Улыбка вернулась. Знакомая. Бешеная. — А ты?

— Верю, когда они появляются после ливня, — ответила она. Шагнула ближе. Плечи почти коснулись. — А до этого — сомневаюсь.

— Это нормально. — Он кивнул. — Психи всегда сомневаются. Пока не сделают.

Они пошли по мокрой улице. Кот в сумке. Вода хлюпала под кедами. Солнце вылезало из-за туч, грело спины, сушило волосы. Катя шла и чувствовала, как внутри всё переворачивается. От этого дня. Этого парня. От того, что он держал её за руку в кафе. От того, что она не убрала руку первая.

— Дима, — спросила она. Не останавливаясь.

— Что?

— Ты правда думаешь, что из нас что-то выйдет?

Он остановился. Повернулся к ней. Посмотрел серьезно. Без игры. Ветер шевелил мокрые пряди у него на лбу. Капля скатилась по щеке.

— Не знаю, — ответил он. Честно. — Но мне хочется узнать.

Катя кивнула. Больше ничего не спрашивала. Ответ уже был. В воздухе, лужах, радуге. В его глазах. Черт возьми! Они пошли дальше. Радуга медленно таяла в небе, растворяясь в облаках. День клонился к вечеру. Город снова шумел. Жил. Дышал. А они шли рядом. Мокрые. Смешные. Психи. И это было нормально.

Мама бы обязательно сказала, что они психи. И она была бы права. Но иногда психи — это просто те, кто не боится идти под дождём без зонта. Вместе. Правда же, псих? Мой.

Глава 4. ВЕЛОПРОБЕГ И ЛЕТНИЙ ПАРК

Катя не умела ездить на велосипеде.

Ну, то есть технически умела. Педали крутились, руль поворачивался, тормоза срабатывали. Но делала она это так, будто от каждого движения зависела её жизнь. Пальцы впились в резиновые грипсы до белых костяшек. Спина вытянута в струну. Шея напряжена, взгляд прикован к асфальту в полуметре от переднего колеса. Она не поворачивала голову. Не отвлекалась. Дышала коротко, рвано, как после стометровки.

Дима узнал об этом через пять минут после старта. Он поравнялся, слегка наклонился к ней. И его голос пробился сквозь шелест шин и далёкий гул города.

— Ты как робот, — мягко заметил он. — Прямая спина, руки в струнку. Расслабься.

— Я расслаблена, — прорычала Катя, не разжимая челюсти. Голос получился сдавленным, будто выжатым через фильтр.

— Ты сейчас откусишь руль.

— Не откушу.

— А выглядит именно так. Если бы у велосипеда были чувства, он бы уже подал на тебя в суд за жестокое обращение. Или домогательства.

Катя промолчала. Сжала грипсы ещё сильнее. Велосипед был прокатным, арендованным через приложение на телефоне. Чёрный, тяжёлый, с широкими покрышками и потёртым сиденьем. Катя выбрала его первой, чтобы не ждать. Теперь жалела. Но отступить было поздно. Они уже ехали по новой велодорожке за ТЦ «Метелица». Асфальт был гладким, с чёткой белой разметкой, разделённой на две полосы. Летом здесь всегдалюдно. Мамы с детьми в шлемах, пенсионеры с треккинговыми палками, подростки на электросамокатах. Все рассекали воздух с невозмутимыми лицами. Сегодня к ним добавились они — немножко психи.

Аня ехала впереди. Спокойно. Уверенно. Без рук. Жевала жвачку, иногда оглядывалась через плечо, поправляла солнечные очки и усмехалась.

— Вы где там застряли? — крикнула она, когда Дима и Катя отстали метров на десять.

— Догоним! — крикнул Дима. Послал ей воздушный поцелуй левой рукой, правой держа руль.

— Ты сначала её расслабь, — Аня кивнула подбородком в сторону Кати. — А то она сейчас руль вырвет с корнем. Или сама от напряжения треснет.

— Не вырву, — буркнула Катя. Но пальцы дрогнули.

Сергей ехал сзади. Молчал. Он вообще был молчаливым человеком. Тихий, наблюдательный, с вечной лёгкой ухмылкой в уголках рта. Катя долго не понимала, почему Дима дружит с таким тихим, почти невидимым парнем. Потом поняла. Потому что Сергей был громководом. Когда Дима заводился, его импульс выходил из берегов, Сергей просто стоял рядом. Остужал. Словом. Или просто молчанием, которое работало лучше любых криков. Сейчас он молчал. И это работало. Катя чувствовала его присутствие спиной, как тихий якорь в потоке адреналина.

Они свернули в парк.

Парк культуры и отдыха в Ангарске летним днём казался выжженным. Жарко. Пыльно. Воздух дрожал над раскалённым асфальтом. Лавочки нагревались так, что сесть на них без подкладки было невозможно. Но к вечеру всё менялось. Жара отступала, поднимался лёгкий ветерок с реки, приносящий запах хвои, мокрой земли и далёкого дыма. Появлялись уличные музыканты с колонками на тележках. Продавцы сахарной ваты, чьи карусели крутились с гипнотическим жужжанием. Дети с мыльными пузырями, которые лопались в воздухе, оставляя на языке привкус мыла. Сейчас был именно такой вечер. Золотистый, тягучий, пахнущий свободой.

— Давай к фонтану? — предложила Катя, поворачивая голову. Шея хрустнула. Неблагодарная.

— Давай, — согласился Дима. — Только там ступеньки. У бордюра.

— Объедем.

— Ты объедешь.

— А ты?

— Я перепрыгну.

— Не перепрыгнешь.

— Спорим?

Катя не ответила. Потому что поняла: он не шутит. В его глазах уже плясали те самые чёрти, которые заставляли её одновременно хотеть, ударить и смеяться.

Дима отъехал назад на пару метров. Набрал скорость. Педали крутились ритмично, колесо гудело над асфальтом. Катя зажмурилась на секунду, когда он поравнялся с бордюром. Звук отрыва от земли был коротким, сухим. Затем — глухой стук приземления. Он не приземлился чисто. Заднее колесо чиркнуло по камню, велосипед дёрнулся. Дима вжался в руль, колени согнулись, но он удержал равновесие. Покатил дальше. Живой. Целый. С широкой, победной улыбкой.

— Псих, — выдохнула Катя.

— А ты сомневалась? — крикнул он, не сбавляя хода.

Она догнала его. Обогнала. Не потому, что хотела обогнать. Просто не заметила, как разжала пальцы. Перестала смотреть на асфальт. Нажала на педали сильнее, чувствуя, как скорость входит в тело. Как ветер начинает рвать волосы, а страх растворяется в движении. Руль в её руках трясся, но Катя не сбавляла. Она ехала. Буквально неслась.

Ветер бил в лицо. Волосы лезли в глаза, прилипали к губам, солёным от пота и летней пыли. Она откинула голову. И вдруг — засмеялась. Истерично. И счастливо. Звук вырвался сам, без разрешения и контроля. Как вырывается пар из кипящего чайника.

Дима поравнялся.

— Что с тобой? — участливо спросил он, но в голосе не было вопроса. Только восхищение.

— Не знаю! — крикнула она в ответ. — Сама не знаю!

— Вы оба психи! — крикнула Аня из хвоста, лавируя между двумя подростками на самокатах.

— Знаем! — крикнул Дима. И рассмеялся.

Они доехали до фонтана. Спешились почти одновременно. Велосипеды звякнули подставками. Катя тяжело дышала. Грудь вздымалась, рёбра ныли от непривычного напряжения. Ноги дрожали, колени гудели. Ладони горели, на коже остались красные следы от грипсов. Она провела пальцами по лицу, вытирая пот, и посмотрела на Диму. Он стоял рядом, опираясь на руль, футболка прилипла к спине, волосы растрёпаны ветром, глаза блестели.

— Ты молодец, — похвалил он. Тихо. Без подкола.

— Я чуть не врезалась в дерево, — хвасталась Катя хриплым голосом. — На повороте у клумбы.

— Но не врезалась.

— Чудом.

— Чудом или мной. — Он улыбнулся. — Я подстраховал. Когда ты виляла, я был в полуметре. Держал дистанцию.

Катя не заметила. Но поверила. Потому что в этом была правда. Он не отпускал. Не давал упасть. Просто был рядом.

Она села на ближайшую скамейку. Дерево было тёплым от дневного солнца, пахло старой краской и пылью. Дима сел рядом. Не близко. Но и не далеко. Так, что их плечи почти каса-

лись. Аня и Сергей остановились чуть поодаль, у урны. Аня достала телефон, листала ленту, делая вид, что занята. Но Катя знала: она наблюдает. И улыбается. Сергей просто стоял, руки в карманах. Смотрел на воду, которая билась о бетонные ступени фонтана.

— Хочешь воды? — спросил Дима.

— Хочу.

Он встал. Подошёл к киоску у входа в парк. На стекле мигал QR-код для оплаты. Он приложил телефон, услышал короткий писк, забрал две бутылки. Вернулся.

— Держи.

Катя взяла. Пластик был тёплым. Вода внутри нагрелась на солнце. Она открыла крышку, сделала глоток, но пить не стала. Почему-то. Просто вертела бутылку в руках, глядя на этикетку, на капли конденсата, которые уже не образовывались.

— Ты чего? — удивился Дима.

— Не знаю. — Она подняла глаза. — Задумалась.

— О чём?

— О том, как быстро всё меняется.

— Что именно?

— Ну. — Она посмотрела на него. В зрачках отражались огни фонтана. — Три дня назад я тебя не знала. Сидела дома, рисовала углём. Ждала, когда лето закончится. А сейчас мы ездим вместе на велосипедах. Спасаем котов с фонарных столбов. Делимся мороженым. Спорим из-за ежа без головы.

— Это плохо?

— Нет. — Она покачала головой. Кудри скользнули по плечам. — Это странно. Непривычно. Будто я живу не свою жизнь, а чужую. Ту, которую придумала для кого-то другого.

— Странно — это нормально. Для нас.

— Для психов?

— Для психов. — Он кивнул. — Мы же договорились. Мы не обязаны быть нормальными. Тебе разве мама не говорила?! Нормальные скучные. Они планируют отпуск за полгода, проверяют погоду перед выходом из дома, не прыгают через бордюры. А мы — живём. Мы — психи! Это звучит гордо.

Катя улыбнулась. Наконец отпила воды. Она была тёплой, почти горячей, но ей показалось, что это лучший напиток в мире.

— Фу, — сказала она всё же.

— Тёплая?

— Кипяток.

— А я люблю. — Дима отпил из своей бутылки, запрокинув голову. Капля скатилась по подбородку. — Горло греет. Как чай.

— Ты странный.

— Я псих. Мы уже выяснили.

Они сидели на скамейке. Солнце садилось за верхушки тополей, окрашивая небо в оттенки персика и фиолетового. Фонтан работал, вода блестела, ломаясь о бетон. Дети бегали вокруг, брызгали друг друга, кричали. Какой-то мальчик уронил мороженое в вафельном стаканчике и заорал. Мать его успокаивала, вытирала руки салфеткой, что-то бормотала.

— Смотри, — сказал Дима. — Жизнь.

— Кого?

— Всех. — Он обвёл рукой парк. Жест был широким, включающим многое. — Люди гуляют. Смеются. Ругаются. Целуются. Живут. Без сценария и страховки.

— А мы?

— А мы — часть этого. Не больше, но и не меньше.

— Ты философ?

— Я просто Дима. Который псих. Иногда смотрит по сторонам.

Катя засмеялась. Звук был лёгким, летящим. Она почувствовала, как внутри что-то разжимается. Узел, который она носила годами, ослабевал. Не потому, что проблемы исчезли. А потому, что рядом был человек, который не требовал от неё быть другой.

Аня подошла к ним. Тени сгустились. Фонари вдоль аллеи щёлкали, загораюсь жёлтым светом.

— Ну что, герои? — спросила она. — Скоро стемнеет. Парк закрывается для велопогулок. Камеры включают.

— И что? — спросил Дима.

— И надо разъезжаться. Бабушка Кати, наверное, уже звонит. Сергей, я тебя довезу?

— Да, — коротко ответил Сергей. Подошёл ближе. Кивнул им обоим. Без слов. Просто по-человечески.

Они уехали. Аня махнула рукой на прощание. Сергей поправил шлем. Их шаги затихли за поворотом аллеи.

Остались вдвоём. Два психа.

Фонтан шумел. Лавочка была тёплой от дневного солнца. Катя чувствовала это тепло через ткань джинсов. Оно впитывалось в кожу, растекалось по бёдрам, успокаивало дрожь в ногах.

— И что теперь? — спросила она.

— Можем ещё покататься.

— Темно уже.

— А мы включим фары.

— У меня нет фар.

— У меня есть. На руле. Поедешь за мной. Будешь видеть мой свет.

Катя подумала. О том, что бабушка скажет: «Ты где шляешься, уже девятый час». Подумала о том, что завтра на работу, отчёт, дедлайн. Что это глупо — кататься в темноте по неосвещённому парку, где дорожки петляют, корни деревьев вылезают на асфальт, а тени кажутся длиннее, чем нужно.

— Давай, — согласилась она. Ну а что?!

Они сели на велосипеды. Дима нажал кнопку на руле. Маленький белый кружок света вырвался из темноты, прыгнул на асфальт. Выхватил трещины, опавшие листья, следы шин.

— Держись за мной, — указал он. Голос стал серьёзнее.

— Держусь.

Она не держалась. Но ехала следом. Метр в метре. Колесо к колесу. Педали крутились в ритме его дыхания.

Парк опустел. Только редкие прохожие. Влюблённые на дальних лавочках, чьи силуэты сливались в одну тень. Собачники с таксами, которые тянули хозяев в кусты. Темнота сгушалась, становилась густой, бархатной. Фары выхватывали только клочки мутной реальности. Кусок скамейки, ствол дерева. Вывеску «Аптека 24», мигающую вдалеке.

Катя смотрела на спину Димы. На футболку, которая налипла от пота, показывая очертания лопаток. На затылок, где волосы топорщились. Как он поворачивает голову, проверяя, не отстала ли она. В свете фар его профиль казался резким, почти скульптурным.

— Не отставай, — крикнул он. Голос эхом отразился от стволов.

— Не отстаю.

Она не отставала. Ехала. Дышала. Жила.

Они выехали к набережной. Здесь было светлее. Фонари горели ровным жёлтым, отбрасывая длинные тени на брусчатку. Вода в Ангаре стала чёрной, почти маслянистой. Она не текла, а стояла, тяжёлая, неподвижная. Отражая огни города, окна домов, мигающие вывески. Пахло рекой, илом, далёким дымком с острова и мокрым камнем.

— Давай остановимся, — предложил Дима.

— Давай.

Они припарковали велосипеды у металлического ограждения. Замки щёлкнули. Катя подошла к парапету. Посмотрела вниз. Вода была неподвижной. Отражала огни так чётко, будто внизу был второй город. Вверх ногами.

— Красиво, — мечтательно протянула она.

— Да, — ответил Дима. Но смотрел не на воду. На неё.

Катя почувствовала его взгляд. Спиной. Затылком. Каждой клеткой. Он был тяжёлым, тёплым, не отводящимся.

— Чего ты смотришь? — спросила она, не оборачиваясь. Без сарказма.

— На тебя.

— Почему?

— Потому что ты красивая.

Катя замерла. Воздух в лёгких застыл. Он никогда не говорил этого раньше. Шутил. Дразнил. Злил. Бросал фразы как мячи, чтобы она ловила или отбивала. Но такого — прямо, без улыбки и подкола! Без защитного слоя юмора — не было. Слова упали в тишину, как камни в воду. Пошли кругами.

— Тёплая вода? — спросил он вдруг. Сменил тему. Но голос остался прежним.

— Что?

— В Ангаре. Вода тёплая?

— Не знаю. — Она повернулась. Ветер шевелил пряди на лбу. — Проверь.

— Проверю.

Он перелез через парапет. Движение было ловким, привычным. Сел на край. Снял кеды. Носки. Опустил ноги в воду. Брызги упали на асфальт тёмными точками.

— Холодная, — сказал он. Поморщился. Но не убрал ноги.

— Значит, не тёплая.

— Зато освежает. Как пощёчина. На тебе! На тебе!

Он сидел. Болтал ногами. Смотрел на неё снизу вверх. Вода омывала щиколотки, уходила в темноту.

Катя смотрела на него. Вдруг подумала: «Какой же он дурак. И какой же...» Она не закончила мысль. Слово не поместилось в голове. Слишком большое, настоящее. Взрослое. Села рядом. Свесила ноги. Тоже разулась. Кеды отставила. Носки свернула. Опустила стопы в воду.

Холод ударил мгновенно. По-настоящему. Ледяной, пронизывающий, выжимающий дыхание из лёгких. Она ахнула, дёрнулась, но не убрала ноги. Привыкла.

— Ты же сказал холодная, — фыркнула она. Зубы стучали.

— Я сказал.

— Почему я не поверила?

— Потому что ты псих. — Он улыбнулся. Зубы блеснули в свете фонаря. — Психи не верят в очевидное. Верят в то, чего нет. Или в то, что есть, но прячется.

— Мы верим в чудеса.

— А это — чудо?

— Это — вечер. Набережная. Вода. — Она помолчала. Ветер трепал волосы. — Ты.

Дима не ответил. Он просто смотрел. Пальцы на коленях слегка барабанили.

Они сидели так. Болтали ногами. Смотрели на тёмную воду. Где-то за спиной, у поющих фонтанов, играли уличные музыканты. Гитара, бубен, хриплый голос. Пели Цоя. «Звезда по имени Солнце...» Мелодия плыла над водой, тонула в шуме машин, возвращалась эхом от бетонных стен.

— Слушай, — сказала Катя. Голос тихий. Спросила в пустоту. — А ты веришь, что люди могут меняться?

— Думаю, да.

— А я не верю.

— Почему?

— Потому что я пыталась. Много раз. — Она сжала пальцы на холодном металле парапета. Костяшки побелели. — Меняла привычки. Меняла окружение. Себя. И каждый раз возвращалась к старой. К той, которая кричит, бросается сумками, не умеет тормозить.

— Может, не надо меняться?

— А что надо?

— Просто быть.

— Быть кем?

— С собой. — Он повернул голову. Свет фонаря выхватил линию его скулы, тень на шее. — Например, ты — Катя. Которая кидается сумками. Спасает котов. Бойтся велосипеда, но всё равно садится на него. Рисует на асфальте. Смеётся, когда должна злиться. Злится, когда должна смеяться. Это не плохо. Это — ты. Та, которая делает все, даже когда страшно.

Катя промолчала. Горло сжалось. Потому что он попал в точку. Не в цель. В точку. В самое сердце, которое она прятала под слоями сарказма, футболкой с Цоем, порванными джинсами и вечной готовностью к бою.

Они сидели так долго. Вода холодила ноги. Ветер трепал волосы. Музыка стихла. И город затихал где-то. Огни в домах гасли один за другим.

— Нам пора, — сказал Дима. Слова давались с трудом.

— Да, — ответила Катя.

Они не пошевелились.

— Правда пора, — повторил он.

— Я знаю.

Они ещё посидели минуту. Две. Потом встали. Вытерли ноги о бетон. Надели носки. Кеды. Зашнуровали шнурки. Чтоб их. Не торопясь. Будто время можно было растянуть пальцами.

— Я провожу тебя, — предложил Дима.

— Я знаю.

Они поехали. Медленно. По пустым улицам. Фонари скользили по асфальту, выхватывая вывески, скамейки, закрытые киоски. Город спал. Только они ехали.

У подъезда Катя слезла с велосипеда. Замок щёлкнул. Она вернула его на стоянку.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— За вечер. За фару. За то, что не дал врезаться в дерево. За воду. За всё.

— Это тебе спасибо. Что согласилась. И не убежала.

Катя хотела сказать что-то ещё. Важное. То, что лежало на языке, но не находило формы. Нет, не нашла. Не сказала.

— Завтра увидимся? — спросил Дима. Встал рядом. Руки в карманах. Взгляд прямой.

— Увидимся.

Он кивнул. Развернулся. Поехал. Колёса зашуршали по асфальту. Свет фары растворился на повороте.

Катя стояла у подъезда. Смотрела ему вслед. Потом достала ключи. Открыла дверь. Зашла. Поднялась по лестнице. На втором пролёте остановилась. Прижалась спиной к стене. Сердце колотилось. Ладони всё ещё помнили холод руля и тепло его взгляда. На переносице горело место, где был его палец в кафе. А щиколотки холодила вода Ангары.

И впервые за долгое время она не испугалась этого слова. «Настоящий». Оно звучало не как обещание чего-то. А как факт.

Катя улыбнулась. Вошла в квартиру. Закрыла дверь. Услышала ворчание бабушки.

И пошла рисовать